

В деле раздувания огня и умения вовремя вставить словцо, потакая чужим прихотям, никто не сравнится с евнухами.

Гу Цзэсяо, по своей простоте, мигом заглотил наживку. Слово за слово, и вот они уже вдвоем, ворча и переругиваясь, дошли до Западного двора — Цзэсяо поминал всех чертей всерьез, а слуга лишь услужливо поддакивал.

— Слишком сладко.

— Это не сладкое, попробуй вот это.

— Тоже приторно.

— Тогда я заварю тебе чаю? Аньси Тегуаньинь лучше всего снимает послевкусие.

— Не хочу.

— Ну тогда... съешь еще пару ягод боярышника в сахаре.

— Тот боярышник был незрелым. Кислятина.

— Незрелым? Что ж ты раньше не сказал?

— Боялся, что ты его пришибешь под горячую руку, — Шэнь Цинхань недовольно оттолкнул Ин Сыиня, который тенью следовал за ним по пятам. — Хватит мельтешить у меня перед глазами. Неужели нельзя просто посидеть на месте?

— Можно, — послушно отозвался Ин Сыинь и сел.

В только что прибранной комнате еще не выветрился запах сырости, поэтому окна и двери оставили распахнутыми. Вошедшая служанка зажгла благовония. Глядя на ее привычные движения, Шэнь Цинхань вдруг невольно вспомнил о Мо Наньфэне.

Этот ворчун поминал его чаще, чем три трапезы в день. Интересно, как он там теперь один? Хватает ли ему сил нормально есть и спать после их внезапного расставания?

Цинхань опустил веки, и на душе у него снова стало скверно.

— Вы только послушайте! Разве это человеческие речи? — проворчал притаившийся за стеной Гу Цзэсяо. — Сначала ему кисло — подавай сладкое, потом сладко — слишком приторно. Чай он не хочет, боярышник у него не созрел... Да за ним ухаживать труднее, чем за капризной

девкой!

Он говорил шепотом, и, по идее, его не должны были услышать. Но Ин Сыинь лишь искоса глянул в сторону окна и, усмехнувшись, бросил:

— Раз пришел, так заходи. Думаешь, я не слышу твоего бубнежа?

Гу Цзэся обиженно надулся и, перемахнув через подоконник, ввалился в комнату.

— Господин хоу, я весь день маковой росинки во рту не видел! Умираю с голоду, а вам и дела нет?

— Как раз вовремя. Тут тарелка со сладостями, Цинхань говорит — невкусно. Доешь за него.

— ...Что?! — Сердце Гу Цзэся, нежное, как соевый творог, едва не расколосось вдребезги. — Господин хоу, раз он не ест — значит, мне? Я вам что, свинья какая-то?

— Ты же сказал, что голоден.

— И что с того?! Я должен подбирать за ним объедки?

— Не хочешь — как хочешь, — Ин Сыинь сделал вид, будто собирается все выбросить.

— Я съем! — Цзэся мигом перехватил его руку. Если не поест сейчас, он и впрямь протянет ноги.

Он со злостью уселся перед хоу и принялся запихивать пирожные в рот одно за другим.

— Господин хоу, вы слишком предвзяты! Разве так можно? С тех пор как Шэнь Цин... брат Цинхань появился в поместье, вы обо мне хоть раз вспомнили?

— А чего мне о тебе вспоминать? — рассмеялся Ин Сыинь. — Ты парень взрослый, сам себя на ноги поставил. С каких это пор я за тобой нянчиться должен? Что за детская ревность?

— Но ведь брат Цинхань тоже не маленький, а вы перед ним на задних лапках ходите!

— Он — другое дело.

— И чем же он другой? У него что, рук или ног больше, чем у меня?

— Я его люблю.

— А меня господин хоу не любит?

— Любовь к тому, с кем я делю постель, и к тому, с кем нет — это две разные вещи.

Гу Цзэсяо подавился еще двумя кусками печенья.

— Тогда я тоже хочу парчовый венец «Двойные рыбы».

— Твой брат Цинхань не любит, когда у кого-то есть такие же вещи, как у него. Выбери что-нибудь другое.

— Хм! А я хочу именно такой венец!

— Будь умницей.

— Хочу и всё...

— Будешь упрячиться — отправлю тебя обратно в Имперскую столицу.

Гу Цзэсяо едва не задохнулся от обиды. Словно ребенок, оспаривающий родительскую любовь, он шмыгнул носом, в глазах заблестели слезы, которые он тут же сердито вытер рукавом.

— Хоу подарит тебе кое-что получше.

—... — Цзэсяо демонстративно отвернулся.

— Горючую смесь для пороховых зарядов. Мощность — в три раза выше обычной, — Ин Сыинь многозначительно поднял три пальца.

—...

— В четыре. Больше не дам.

—...

— Цзэсяо, — видя, что уговоры не помогают, Ин Сыинь нахмурился, и в его голосе прозвучала угроза. — Ты и впрямь хочешь, чтобы завтра я выставил тебя в Имперскую столицу?

— Не хочу я в Имперскую столицу.

— Тогда берешь смесь? В четыре раза мощнее.

— Беру.

— Вот и славно, — Ин Сыинь потрепал его по голове и снова посмотрел на дверь. — Маленький евнух, раз уж пришел, чего прячешься? Заходи, посиди с нами. Снаружи мошкара, да и туман стелется — неровен час, простудишься.

Слуга замер. Он был уверен, что затаился за стеной совершенно бесшумно, но Ин Сыинь все равно его учуял. Впрочем, удивляться не стоило — на то он и Ин Сыинь.

Обнаружив себя, евнух вышел на свет и почтительно поклонился.

— Раб пришел просить господина хоу пораньше отойти ко сну, чтобы завтра на рассвете мы могли вместе отправиться в Имперскую столицу.

— Ты едешь в Имперскую столицу? — Шэнь Цинхань резко обернулся.

— А что такое? Хочешь со мной? — вопросом на вопрос ответил Ин Сыинь.

— Не хочу.

Поместье Великого генерала, защитника государства, которое Ин Сыинь когда-то сжег дотла, до сих пор стояло у Цинханя перед глазами. Он всерьез опасался, что если вернется в Имперскую столицу, то живым оттуда уже не выберется. Сейчас он едва научился сдерживать свои чувства, а хоу, выполняя обещание, начал его чему-то учить. Шэнь Цинхань не питал иллюзий насчет этого демона и безумца — просто пока новизна отношений не прошла, хоу готов был спускать ему мелкие капризы.

Цинхань не раз обдумывал, не прирезать ли его ночью, но затея была гиблым делом. Он сам спал чутко, а Ин Сыинь — еще чутче. Тот просыпался, стоило Цинханю просто перевернуться на другой бок, какая уж тут расправа?

— Тогда мне... — Ин Сыинь словно ждал его решения.

— Сколько ты там пробудешь?

— Трудно сказать. Может, три-пять дней, а может — месяца два-три.

—...

— Уверен, что не поедешь? Не боишься, что будешь скучать?

— Не ездят туда.

Ин Сыинь удивленно моргнул. Неужели этот парень... удерживает его дома?

— Разве есть какое-то важное дело, которое господин Шаншу не может уладить без тебя? Обязательно ехать самому?

— И впрямь... — Ин Сыинь повернулся к маленькому евноху. — Послушай, а Его Величество говорил, зачем я ему так срочно понадобился?

— Государь лишь сказал, что соскучился по господину хоу.

— Ну, значит, ничего серьезного. Видишь, малютка, мой домашний... сокровище мое не хочет меня отпускать, да и мне недосуг. Вернись и доложи Его Величеству — пусть проявит снисхождение и поймет меня.

Так, из-за нескольких брошенных невзначай фраз Шэнь Цинхэня, император Ин Цзинвэнь лишился своего влияния.

«Похоже, в Поместье хоу Цзибэй и впрямь появился молодой господин, которого хоу балует без памяти», — подумал евнох.

Все это слово в слово было передано Ин Цзинвэню.

Император просматривал доклады, и когда слуга дошел до середины, его рука дрогнула. Капля туши сорвалась с кисти, расплываясь пятном на казенной бумаге.

— Ваше Величество... — робко позвал евнох.

— Продолжай.

— Вести из Цзибэя подтвердились. Господин хоу и впрямь во всем слушается этого юноши, окружил его невероятной заботой. Тот спалил половину поместья — а хоу и слова против не сказал, только утешал его, лишь бы гость не расстраивался.

— Ты говоришь, этот человек велел ему не ехать в Имперскую столицу, и он послушался?

— Истинная правда, Ваше Величество. Все случилось прямо на глазах у вашего раба. Юноша спросил, есть ли важные дела, а когда узнал, что нет — велел оставаться. И господин хоу отослал меня одного.

Ин Цзинвэнь отложил кисть.

— Ваше Величество, если поместье хоу Сяовэнь выйдет из-под нашего контроля, дела в государстве могут принять скверный оборот, — вкрадчиво заметил евнух Цзиньюнь.

— И он больше ничего обо мне не спросил? — упрямо переспросил император.

— Нет, государь, — затрепетал слуга. — Мне показалось, что все помыслы хоу заняты лишь этим юношей. В поместье поговаривают, что тот — суший лис-обольститель. Видать, он мастерски умеет крутить людьми. Хоу Сяовэнь... боюсь, он и впрямь потерял голову.

Ин Цзинвэнь стиснул зубы. Он вспомнил того мужчину, который когда-то стоял под прицелом сотен лучников, но все равно протягивал ему руку. Того, кто, зная о его коварстве и интригах, все равно с улыбкой сказал: «Четвертый брат, если тебе нужна эта Поднебесная, я останусь и буду ее для тебя хранить».

Неужели клятвы, данные на грани жизни и смерти, так легко рассыпались в прах? Неужели от их чувств не осталось и следа?

Император не мог в это поверить.

Он всегда считал Ин Сыиня дураком. Хоть тот и клялся защищать его, Цзинвэнь видел в нем главную угрозу престолу. Пользуясь его преданностью, он отобрал у брата военную власть, сладкими речами выманил в Цзибэй, якобы на лечение, и там шесть лет травил ядом под видом лекарств, окружив со всех сторон шпионами. А теперь, узнав, что Ин Сыинь нашел себе какого-то мальчишку, он вдруг почувствовал, как внутри закипает тревога. Сказал, что скучает, велел вернуться... и получил отказ?

— Ваше Величество, — позвал Цзиньюнь.

— Готовьте карету. Я еду в Цзибэй, — Ин Цзинвэнь швырнул кисть на стол. В его душе росла темная ярость. Тот, кто раньше валялся у него в ногах, теперь преклоняется перед кем-то другим?

Этому не бывать. Кем же тогда Ин Сыинь считает его самого?

— Ваше Величество... вы... в Цзибэй?

— Не смей спорить! Живо все подготовить. Дела во дворце временно поручите Великому наставнику Му.

— Слушаюсь, Ваше Величество! — Евнух поспешно удалился.

Ин Цзинвэнь сгреб со стола ворох бумаг и с силой ударил кулаком по столешнице — по дереву поползла глубокая трещина.

— Ин Сыинь... — прошипел он. — Неужели ты решил со мной поиграть?

Ин Сыинь и впрямь был не прочь поиграть. Вот только объектом его игр теперь был Шэнь Цинхань.

В последнее время тот часто витал в облаках. И когда они предавались любви, и просто в тихие минуты, он казался отрешенным. Взгляд его блуждал, и порой, глядя в упор на Хоу, он словно переставал его видеть — будто сквозь него смотрел на кого-то другого.

Опыта в постельных делах Ин Сыиню было не занимать. Он безошибочно читал всё: когда Цинханю приятно, а когда больно; когда в его глазах любовь, а когда — ненависть. И уж точно он видел, когда мысли любовника заняты кем-то посторонним.

Той ночью стоило Цинханю лишь на миг отвести взгляд, как Ин Сыинь мертвой хваткой вцепился в его запястья. Войдя в него до самого предела, он замер, не давая передышки и властно прижимаясь всем телом, требуя полного внимания.

Цинхань болезненно поморщился.

— Что ты делаешь? — выдохнул он.

— Нет, это ты — что делаешь?

— Если не хочешь продолжать — прочь с меня.

Ин Сыинь сжал его руки еще сильнее.

— О ком ты сейчас думал?